

В. Н. БЕЛИЦЕР

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ УДМУРТОВ

(По материалам женской одежды)

I

Письменные источники об удмуртах восходят к концу XV в. О более раннем периоде удмуртской истории мы не имеем письменных свидетельств, и только легенды, предания и археологические памятники позволяют восстановить культуру местного края и его обитателей в более отдаленную эпоху.

По вопросу о происхождении удмуртов и их древнейшей территории расселения в литературе существуют различные точки зрения. Многие исследователи в этом вопросе придерживались взгляда М. А. Кастрена, считавшего, что древнейшая родина финно-угорских племен находилась в Азии поблизости от Саянского хребта и Алтая. Д. Островский, писавший об удмуртах в 80-х годах прошлого столетия, считал их родиной местность, лежащую между реками Ладогой и Нарвой, так называемую Волскую пятину новгородцев, основывая свое предположение на сходстве названий *воть и воды*¹. Историк А. Вештомов помещал родину удмуртов в б. Орловской губернии, в районах расселения племени вятичей, базируясь на созвучии терминов: вятичи, вотяки и р. Вятка². В. Бехтерев также придерживался взгляда, высказанного большинством исследователей прошлого столетия (Кастрен, Кеппен и др.), согласно которому финские народы жили когда-то гораздо южнее и занимали пределы нынешней средней России, но были оттеснены на север новыми пришельцами в эти земли³.

Можно назвать еще целый ряд исследователей, которые выдвигали ничем не обоснованные теории о древнейшей прародине финнов, в частности, удмуртов, и ошибочность взглядов которых в настоящее время вполне доказана.

Более правильной точки зрения придерживался И. Н. Смирнов, профессор Казанского университета, занимавшийся в прошлом столетии вопросами истории и этнографии народов Поволжья. В своей работе «Вотяки» И. Н. Смирнов, оставляя открытым вопрос о первоначальной родине удмуртов, высказывался за частичное, сравнительно небольшое передвижение их из более западных районов на восток. Занимая когда-то вместе с зырянами и пермяками, а также и остатками югры запад быв. Вятской губ. и смежные с ней территории быв. Вологодской и Костромской губ., удмурты постепенно передвинулись на юго-восток, теснимые черемисами и русскими. Более южная группа, теснимая черемисами, двинулась вверх по р. Килмезь и заняла побережья р. Валы, бо-

¹ Д. Островский, «Вотяки Казанской губ. Труды О-ва естествоиспытателей при Казанском университете, IV, Казань, 1874, стр. 6.

² Казанский вестник, ч. XII, кн. 12, 1824, стр. 323.

³ В. Бехтерев, Вотяки, их история и современное состояние, «Вестник Европы», 1880, № 8, стр. 622.

лее северная группа удмуртов, под напором русской колонизации, двигаясь по Чепце, расселилась в пределах быв. Глазовского уезда Вятской губ.⁴

Аналогичного взгляда придерживался и А. Спицын. Привлекая данные топонимики, археологии и местные предания, он считал, что удмурты заняли Вятский край в глубокой древности и до сих пор не вышли за его пределы. «Глазовские вотяки пришли на Чепцу с р. Вятки и, конечно, из ближайших мест»⁵.

Значительно полнее удастся проследить древнейшую историю Прикамья и процесс формирования удмуртского народа по археологическим памятникам. Большие археологические работы, производившиеся в XIX и XX вв. на территории Прикамья и современной Удмуртской АССР такими крупными исследователями, как Н. Г. Первухин, А. А. Спицын, А. В. Шмидт, А. П. Смирнов, дали ценный материал, позволяющий установить смену культур и доказать преемственность, существующую между древними культурами края: ананьинской (эпоха раннего железа, VII—II вв. до нашей эры) и пьяноборской (с III в. до нашей эры по V в. нашей эры) с культурой чепецких городищ (X—XII—XIV вв. н. э.), обитателей которых можно считать предками современных удмуртов. В настоящее время археологические материалы с полной очевидностью позволяют видеть в удмуртах аборигенов местного края, которые в XII—XIV вв. занимали примерно ту же территорию, где они размещаются и теперь.

Рассматривая отдельные элементы удмуртской культуры более раннего периода, с V по X в., А. П. Смирнов отмечает прямую связь ее с более ранними культурами Прикамья. Эта связь прослеживается в приготовлении посуды, в одежде и в искусстве, что свидетельствует, по его мнению, о том, что население этой территории обитало здесь с очень раннего времени и в период с V по X в. никаких коренных изменений в его племенном составе не происходило. С другой стороны, археологический материал более поздних могильников XV—XVII вв. позволяет установить целый ряд точек соприкосновения с могильниками X в. в обряде захоронения, в ориентировке могил и погребальном инвентаре, что также указывает на прямую связь этих двух периодов. «Эти соображения, при наличии единой территории и хронологической последовательности,— пишет А. П. Смирнов,— заставляют сделать вывод, что удмурты сформировались на территории Чепцы — Вятки из общего конгломерата родовых групп, известных под именем пьяноборской и ананьинской культуры, и еще более древних культур»⁶.

В памятниках ананьинской и пьяноборской культур заметно влияние юга — Причерноморья, продолжавшееся, повидимому, и в более позднее время, в IV—V вв. нашей эры. «Целый ряд вещей: бусы, пряжки, фибулы, римский ковш александрийской работы,— пишет Смирнов⁷,— позволяют установить связь с Боспорским царством, осуществлявшуюся через Сармат. Через Сармат с Прикамьем установила связь и Средняя Азия». С другой стороны, племена Прикамья во времена ананьинской и пьяноборской культур были связаны с восточным Приуральем и срубно-хвалынской культурой среднего и нижнего Поволжья⁸. Эти связи, на-

⁴ И. Н. Смирнов, *Вотяки*, Казань, 1890, стр. 21.

⁵ А. Спицын, *К истории вятских инородцев*, Вятка, 1888, стр. 47.

⁶ А. П. Смирнов, *Прикамье в первом тысячелетии нашей эры*, «Сборник трудов Исторического музея», том VIII, 1938, стр. 154.

⁷ А. П. Смирнов, *Культура населения Прикамья в пьяноборскую эпоху* (рукопись).

⁸ А. В. Збруева, *К вопросу о происхождении ананьинской культуры*, «Антропологический журнал», 1936, № 4, стр. 426.

жившие своеобразный отпечаток на древнюю культуру Прикамья, прослеживаются и в более поздней культуре удмуртов.

Антропологические данные подкрепляют выводы археологов. Они указывают, с одной стороны, на связь современных удмуртов с палеоантропологическим типом данного края и, с другой стороны, говорят о том, что антропологический тип современных удмуртов сложился в результате взаимодействия европеоидных и монголоидных форм. Этот процесс, начавшийся чрезвычайно рано, в эпоху первоначального заселения северо-востока Европы, характерен для ряда современных народностей Волго-Камья и Приуралья: мари, чувашей, коми, татар и башкир.

Среди современных удмуртов можно выделить несколько антропологических типов. Сублапоидный тип преобладает среди удмуртов бассейна р. Кильмезь; в нем более сильно выражены монголоидные особенности. Этот антропологический тип широко распространен у различных народов северо-восточной Европы, в том числе встречается у коми-зырян, коми-пермяков и у мари. В более южных районах, как, например, у ижевских удмуртов, в виде примеси прослеживается другой антропологический компонент — более европеоидный с тенденцией к доликефалии и узколицести; он, по всей вероятности, относится к кругу восточно-средиземноморских форм, с древних времен преобладавших среди населения степной полосы западной Евразии. Северные удмурты, глазовские, по многим признакам занимают промежуточное положение между ижевскими и кильмезскими удмуртами. Во всех группах удмуртского населения наблюдается присутствие светлого европеоидного валдайского типа, который мог попасть, по крайней мере частично, в Прикамье вместе с русской колонизацией⁹.

По языку удмурты вместе с коми-пермяками и коми-зырянами, согласно общепринятой классификации индоевропейской школы, принадлежат к пермской ветви финских языков. Современный удмуртский язык делится на два диалекта — северный и южный, которые не имеют значительных диалектологических различий. Яфетическая школа в лице академика Н. Я. Марра вскрыла в удмуртском, так же как и в языках коми, очень древний слой, связывающий языки финской системы с древними яфетическими языками Причерноморья (хеттским, скифским), а также с современными яфетическими языками Кавказа. «Изучение финских и нефинских языков Волго-Камья и приморских стран севера, в том числе отнюдь не в последнюю очередь удмуртского и чувашского, представляет не только общий или специальный интерес для изучения и понимания кавказских языков яфетической системы и примыкающих к ним двух языков Армении, но обещает сделать существенный вклад в правильную постановку исследования, я бы сказал прямо — более уточненной дешифровки клинописных языков, относимых в яфетическую систему, именно древнеэламского, шумерского, халдского и мидского»¹⁰.

Обратимся к этнографическим материалам, которые, наряду с данными археологии, антропологии и лингвистики, проливают свет на формирование удмуртского народа и вскрывают древние культурные связи, существовавшие на территории Волго-Камья. В этом отношении народная одежда является наиболее ярким и наиболее устойчивым культурным признаком, который, подобно языку, сохраняет на протяжении многих столетий в своих формах, деталях отделки и способах ношения следы своего происхождения¹¹.

⁹ Н. Н. Чебоксаров, Удмурты (рукопись для справочника «Народы мира»).

¹⁰ Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, М., 1931, стр. 120.

¹¹ Основной материал по одежде удмуртов собран лично автором во время выездов на места в 1930, 1931, 1937 и 1938 гг.

II

Нательной одеждой и одновременно верхним рабочим и выходным платьем женщины-удмуртки является рубашка «дэрем». По своему покрою, способу ношения и отделке женские рубашки можно свести к трем основным типам.

Первый тип. Рубашка, сшитая из белого льняного холста, туникообразного покроя без боковых клиньев, с длинными прямыми рукавами, вышитыми шелком или затканными красными бумажными нитками в виде поперечных полос. Воротник у рубашки отсутствует, а головное отверстие имеет форму треугольника или овала. Открытая грудь закрывается специальным нагрудником «кабачи», который носится поверх рубашки и представляет прямоугольный кусок холста 40×20 см с плотной красной вышивкой из шелка. Подол рубашки окаймляет вышитая или тканая полоска. На более новых рубашках имеется небольшая оборка из яркого ситца. Белая туникообразная рубашка в начале XX в. еще бытовала у пожилых женщин в более северных районах Удмуртской АССР. Во второй половине XIX в. белая рубашка встречалась на более широкой территории у малмыжских, сарапульских и сосновских удмуртов¹². Академик Паллас в XVIII в. отмечает у удмуртов белую рубашку, вышитую на груди и на плечах¹³. Туникообразный покрой одежды для современных удмуртов является наиболее архаичным. Б. А. Куфтин¹⁴ и ряд других исследователей связывают ее происхождение с римской туникой. Аналогичный покрой известен в византийском саккосе, дивитисии и других церковных и царских облачениях, также ведущих свое происхождение от римской туники. Туникообразный покрой в одежде широко известен на территории Восточной Европы у народов Поволжья: мари, мордвы, чувашей, а также на старинных рубашках обских остяков. Рубашки перечисленных народов близки к удмуртской не только по материалу и покрою, но также по характеру вышивки и ее расположению.

Второй тип рубашки шьют из домотканной посконной клетчатой пестряди «алача». По покрою она отличается от рубашки первого типа тем, что значительно шире ее в подоле и бока ее состоят из четырех более коротких скошенных кусков холста, сшитых попарно друг с другом по прямой нитке и пришитых линией скоса к центральному полотнищу. Рукава прямые длинные. Под рукавом вшита квадратная ластовица из пестряди или кумача. Воротник стоячий, застегивается на пуговицу или крючок. На груди прямой разрез, длиной до 25 см, обшивается полосками цветного ситца, тесьмы или кружев, которые образуют своеобразный нагрудник шириной до 10—12 см, известный в Мало-Пургинском, Граховском и других южных районах республики под названием «муресазь». Под рубашкой женщина носит второй матерчатый нагрудник «кыкрак», сшитый из цветного ситца или бархата. Подол заканчивается одной или двумя оборками. На рубашках молодых удмурток, живущих в Башкирии, оборка часто пришивается на линии пояса или даже несколько выше.

Рубашка второго типа, постепенно вытесняя туникообразную рубашку первого типа, получает широкое распространение среди населения центральных и южных районов Удмуртской АССР (Можгинский, Граховский, М. Пургинский и др.), а также среди удмуртов Марийской и Башкирской АССР.

¹² Г. Верещагин, Вотяки Сосновского края, СПб., 1886.

¹³ П. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III, 1788, стр. 32.

¹⁴ Б. Куфтин, Материальная культура русской мещеры, М., 1926, стр. 23.

Рубашка второго типа известна на широкой территории. Она бытует у ближайших соседей удмуртов: мари, чувашей, башкир, татар-кряшен и далее на восток у казахов, киргизов, каракалпаков; известна она и народам Балканского полуострова, болгарам и македонцам¹⁵.

Третий тип рубашки получил распространение значительно позднее, представляя уже переход к городскому платью. Ее шьют из двух

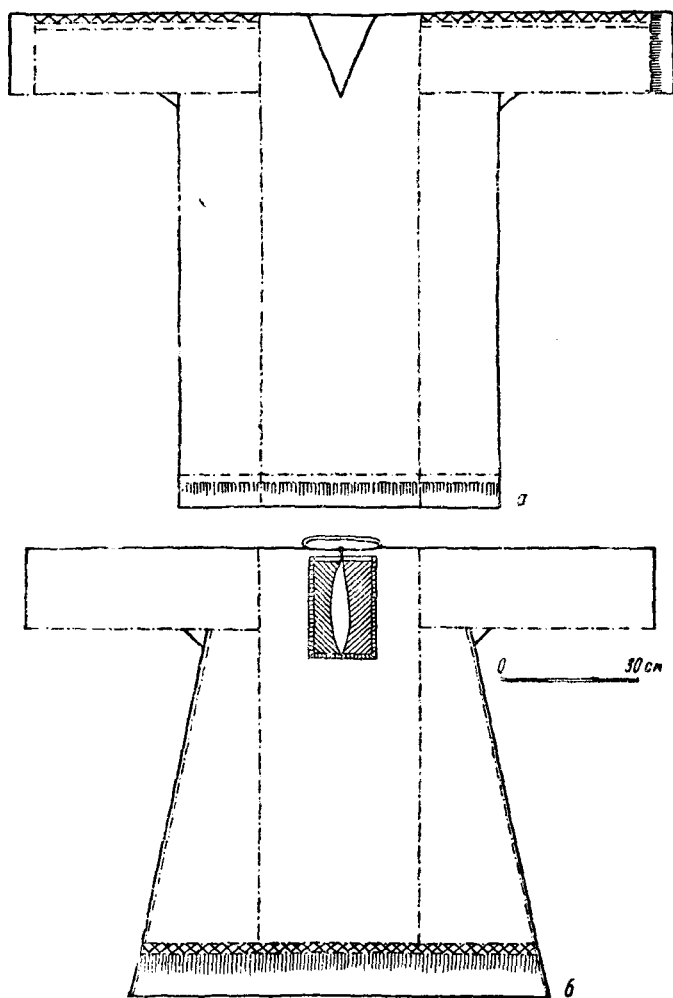

Рис. 1. Женская рубашка „дэрем“: а—тип I (Балезинский район Удмуртской АССР, дер. Бурино); б—тип II (Мало-Пургинский район Удмуртской АССР, дер. Н. Юри)

разноцветных кусков пестряди, а иногда на верхнюю половину, так называемые «рукава», ставят ситец и сатин. Рубашку шьют, как правило, на кокетке с длинными рукавами и стоячим воротником. Грудной разрез плотно застегивается на пуговицы. Нижняя половина рубашки, «дэрем мугор», состоит из трех прямых полотнищ и четырех боковых клиньев. К подолу пришивают оборку из цветного ситца, а на линии соединения верхней и нижней частей прикрепляют пояс. Часто поверх рубашки надевают юбку. Рубашка третьего типа близка к рубашке соседнего русского и коми-пермяцкого населения. На территории

¹⁵ М. Teike, Osteuropäische Volkstrachten, Berlin, 1925, Tabl. 25.

Удмуртской АССР она известна в крупных торговых и промышленных селениях. Была отмечена мной в 1930—1938 гг. в районах: Можгинском, Селтинском, Дебесском, Глазовском и Шарканском.

Из одежды нижней половины тела следует отметить юбку, которая получила широкое распространение в самые последние годы. Юбку принято шить из пяти, шести полотнищ домотканной клетчатой ткани — льняной или бумажной.

Необходимую часть женского удмуртского костюма некоторых групп населения составляют штаны — «ыштан», «эрезь» — из синего полосатого холста, а иногда из двух разноцветных кусков ткани. По своему покрою женские штаны состоят из следующих частей: двух штанин, сшитых из прямых полотнищ ткани со вшитыми в них клиньями, и прямоугольного куска холста (шириной 29 и длиной 54 см), перегнутого поперек и вставленного между штанинами. Верхний край загибается широким рубцом, и в него продевается тесемка, при помощи которой штаны укрепляются на бедрах женщины. У пожилых женщин штаны бывают более длинные и достигают щиколотки, у молодых не спускаются ниже колен. В районах, где сильнее ощущается влияние русского костюма, штаны совершенно исчезают из употребления. Штаны по всей вероятности, очень рано вошли в комплекс женского удмуртского костюма. Материалы Гляденовского могильника, относящиеся к пьяноборской эпохе, дают нам три женские фигурки, из которых одна, видимо, одета в штаны, спускающиеся немного ниже колен. На половую принадлежность указывают резко обозначенные груди¹⁶. Паллас, наблюдавший костюм удмуртов в XVIII в., также отмечает глухие штаны у девушек и замужних женщин как характерный элемент их одежды¹⁷. Ближайшие аналогии удмуртским «ыштан» мы находим у соседних народов — татар, башкир, мордвы-мокши, луговых мари.

Поверх рубашки или юбки женщина, как правило, подвязывала передник «айшет». С белой рубашкой первого типа носили белый передник, затканый узором из цветных бумажных ниток; среди южных удмуртов в большом употреблении передник с грудью, сшитый из яркой фабричной ткани или цветной пестряди. Часто красное поле фартука бывает заткано геометрическим узором из разноцветной шерсти. Этот передник носят с рубашкой второго типа.

Верхняя женская одежда удмуртов, как и нательная, приготавливалась самим населением из белого и цветного холста, шерстяных тканей и сукон домашнего производства.

В качестве верхней летней одежды наиболее распространен был халат «шөддэрем», сшитый из белого холста, покроем которого можно свести к трем типам.

Первый тип шөддэрема представляет собой длинную распашную одежду туникообразного покроя (без боковых клиньев), сшитую из тонкого белого льняного холста. Под прямыми короткими рукавами вшиты квадратные ластовицы, а на верхней половине рукава сделаны продольные разрезы, отороченные кумачом. Полы халата распахнуты и только на груди соединяются полоской вышивки или бахромой. Спина и подол шөддэрема до талии обшиты полосками кумача, между которыми проложена вышивка. На подоле пришита неширокая оборка из яркого ситца. Данный тип в настоящее время исчез из употребления.

Второй покроем шөддэрема, бытовавший еще в начале XX в. среди удмуртов быв. Глазовского уезда Вятской губ., отличается от первого тем, что у него исчезают рукава, а в боках вставляются с каждой стороны по три клина. Первый и второй шөддэрем носили с белой рубашкой

¹⁶ А. П. Смирнов, Культура населения Прикамья в пьяноборскую эпоху (рукопись).

¹⁷ П. Паллас, Указ. соч., стр. 32.

и подпоясывали фартуком. На рубашку прикрепляли нагрудник «каба-чи», который был виден между незапахнутыми полами халата.

Шōддэрем удмуртов очень близок к одежде соседнего населения, живущего в лесостепной, земледельческой полосе. Ближайшие анало-

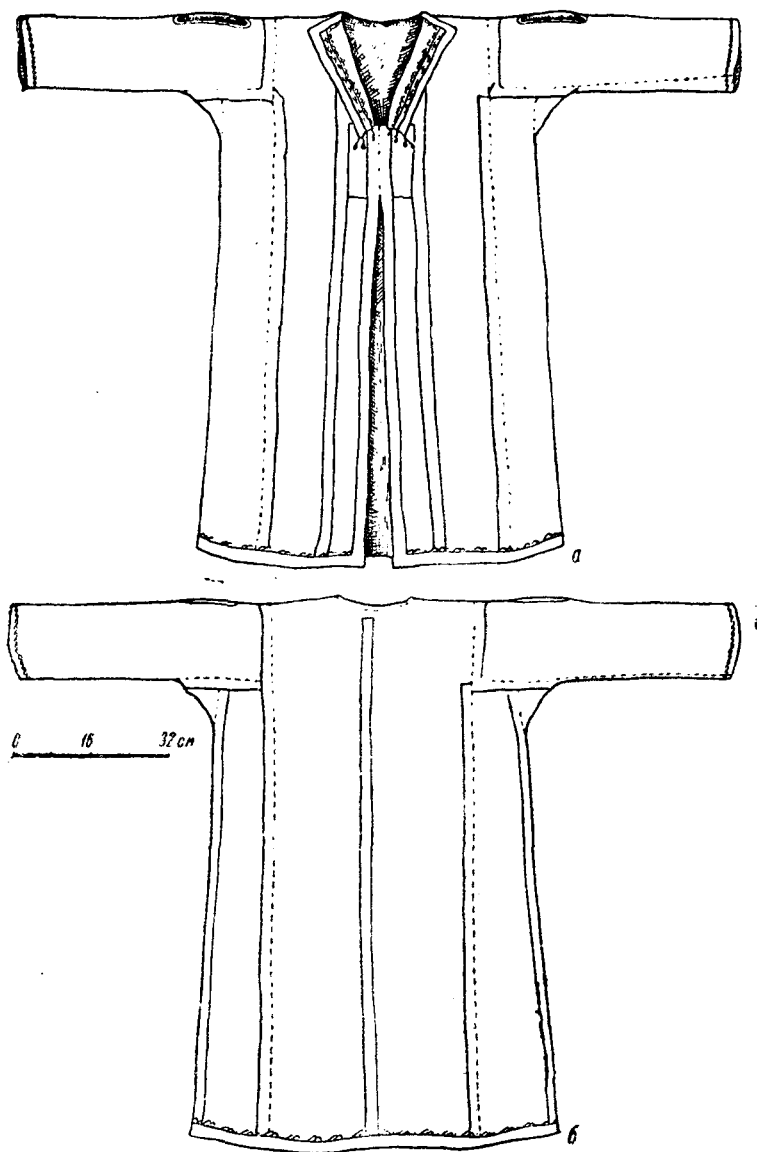

Рис. 2. Женская верхняя одежда „шōддэрем“ (быв. Глазовский уезд., Вятской губ.): а—вид спереди; б—вид сзади.
Рисунок с экспоната Музея народов СССР № 57/173

гии мы усматриваем в «шушпане» южных великоруссов и терюхан, в «руце» мордвы-эрзи, «шовыре» мари и «шобре» чуваш, для которых столь характерна прямоспинная распахная одежда белого цвета, украшенная вышивкой.

Третья разновидность шōддэрема представляет собой позднейшую переходную форму от свободного распахнутого халата к городскому платью, а по материалу — сочетание белого холста с яркими фабричными тканями.

Верхняя одежда — из шерстяных тканей и сукна — представлена в костюме удмуртов «зыбыном», «камзолом», «сукманом», «дукесом» и т. д.

У южных удмуртов (быв. Елабужский уезд) широко бытует до настоящего времени зыбын, который носят поверх рубашки летом и осенью. Зыбын представляет собой кафтан из домотканной шерстяной ткани, чаще всего красного цвета в черную полоску, длиной ниже колен, сшитый в талию, с отрезной спиной и борами, или сильно раскошенный в полосе, с фалдами. Зыбын запахивается на левую сторону и застегивается на две пуговицы у ворота и на поясе. Длинные прямые рукава лишь слегка срезаются у кисти и по нижнему краю обшиваются полосками черного сатина. Вырез ворота круглый, сзади имеется небольшая стоячий воротник. Зыбын шьют на подкладке из холста. Тип одежды и термин зыбын сближаются с «зипуном» чуваш и мещеряков¹⁸. Зипун широко распространен у русского населения. В старину зипуном называли русский кафтан без воротника, сшитый из домотканного сукна белого или серого цвета, с короткой спинкой, почему его носили и женщины¹⁹. Наряду с зыбыном бытует сукман — верхняя одежда аналогичного покроя из белого или серого сукна домашнего изготовления. Суконный кафтан с аналогичным названием известен соседнему населению. Н. И. Золотницкий приводит его для обозначения верхней суконной одежды чуваш — сукман, у тобольских татар — сүкман, у мордвы — сукмянъ, у казанских татар — чикмян²⁰. Сукман известен и русскому населению. В старину сукманом называли суконный кафтан с борами²¹. К этой же группе одежд относится дукес — верхняя одежда из домашнего сукна серого или коричневого цвета длиной до колен. Ее носят осенью и зимой. Шьют на подкладке, в талию со сборами. По своему покрою дукес напоминает русскую шубу. Более короткая одежда такого же покроя известна под названием «вакчи-дйсь» — короткая одежда.

Для XIX и XX вв. необходимо отметить широкое внедрение в одежду удмуртов покупного фабричного материала.

Одежда в «талию с борами», близкая по покрою к сукману, но крытая сатином или какой-либо другой темной тканью, известна под именем «борчатки». Распространена в районах со смешанным удмуртско-русским населением.

Шуба «пась» из дубленых овчин с «борами» была известна далеко не повсеместно. Она чаще встречалась в зажиточной среде, где являлась обязательным приданым невесты. Однако если русская дубленая шуба является для удмуртов сравнительно поздней, то следует упомянуть о другой, более примитивной шубе пась, встречаемой среди удмуртов и коми-зырян. Этот вид шубы представляет собой короткий прямоспинный пиджак, сшитый из кусков кожи мехом внутрь, без застежек, с запахивающимися полами. Носили его всегда подпоясанным. Надевается мужчинами и женщинами, идущими на работу, часто под сукман и дукес.

К домашней верхней одежде следует отнести камзол. Его шьют из шерстяной цветной ткани домашнего производства. Свадебные камзолы зажиточных невест покрывают сатином или полушерстяной тканью. На спине такой камзол украшают подвесками из серебряных монет. По своему покрою камзол повторяет зыбын, сшитый в талию, но без рукавов. Длина его колеблется от едва закрывающего бедра до длинного,ходящего до колен. Камзол распространен среди удмуртов далеко не повсеместно. Он был известен в XIX в. удмуртам на территории

¹⁸ Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь, Казань, 1875.

¹⁹ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1863.

²⁰ Н. И. Золотницкий, Указ. работа, стр. 241.

²¹ В. И. Даль, Указ. соч.

быв. Сарапульского и Елабужского уездов быв. Вятской губ. В настоящее время бытует у южных удмуртов в районах: М. Пургинском, Граховском, Нылга-Жикьянском, Ижевском, Пычасском Удмуртской АССР, а также среди удмуртов Башкирской и Татарской АССР.

Камзол аналогичного покроя известен соседним тюркоязычным народам — татарам, башкирам, казахам, киргизам и, по всей вероятности,

Рис. 3. Костюм удмуртской женщины конца XVIII в. Из книги И. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов

был заимствован от них удмуртами. Под тем же термином известна своеобразная верхняя одежда молодых женщин-удмурток, проживающих на территории Марийской АССР. Материалы позволяют установить, что покрой ее оставался неизменным на протяжении трех столетий. В XVIII в. о ней упоминают Г. Ф. Миллер²², П. Паллас²³, Георги²⁴. В XIX в. мы встречаем эту же одежду на фотоснимках, помещенных в книге А. Ф. Риттиха²⁵. Ее описывает Д. Островский в работе «Вотяки Казанской губ.»²⁶ и многие другие исследователи удмуртов.

²² Г. Ф. Миллер, Из описания языческих народов, в Казанской губернии обитающих, СПб., 1891, стр. 7.

²³ П. Паллас, Указ. соч., стр. 32.

²⁴ И. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, т. I, СПб., 1799, стр. 50.

²⁵ А. Ф. Риттих, Материалы для этнографии России. Казанская губ., ч. II, Казань, 1870.

²⁶ Д. Островский, Указ. соч., стр. 24.

Наконец, совершенно аналогичный камзол был приобретен Музеем народоведения в 1925 г. у удмуртов д. Карлыган Марийской АССР, где он бытовал вплоть до самого последнего времени ²⁷.

По своему покрою этот тип камзола представляет распашную одежду длиной до колен, сшитую из красной шерстяной ткани домашнего производства. Покрой — в талию. К подрезанной с боков спинке пришиты клинья (по пяти с каждой стороны), отороченные тесьмой зелено-

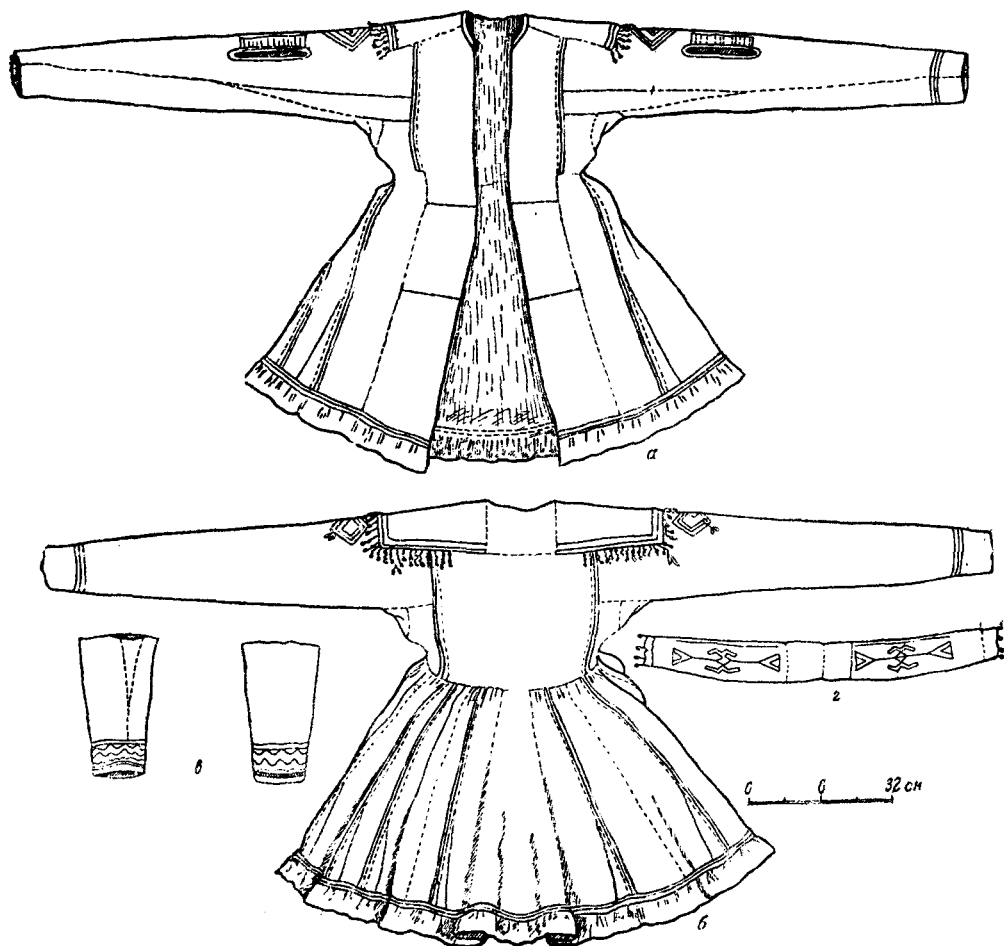

Рис. 4. Верхняя одежда молодой женщины-удмуртки (д. Карлыган Марийской АССР):
а—вид спереди; б—вид сзади; в—нарукавники; г—пояс.
Рисунок с экспоната Музея народов СССР № 57/306

го и черного цвета, а также полосками белого холста. На подоле пришита оборка из той же ткани. Очень длинные рукава постепенно суживаются к кисти и на своей верхней половине имеют продольный разрез длиной до 17 см, отороченный кумачом и полосками цветных лент, бархата и позумента. Поперек рукава, над разрезом, нашит ромб из разноцветных лент, заменяющий, по всей вероятности, существовавшую здесь ранее вышивку. Воротник представляет полосу холста, прикрепленную у ворота и спадающую на плечи. Камзол носят накинутым на плечи, причем иногда руки продевают в разрезы рукавов. На руки надевают нарукавники из черного сатина, которые доходят до локтя. Камзол под-

²⁷ Хранится в коллекциях Музея народов СССР в Москве за № 57/306.

поясывают широким поясом, твердая основа которого обшивается яркой цветной материей лилового и розового цвета. На рубашку под камзол прикрепляется красный матерчатый нагрудник, обшитый позументом и бархатом. Этот тип одежды неоднократно привлекал к себе внимание исследователей удмуртского быта. Г. Миллер²⁸ и П. Паллас²⁹ связывают его распространение с влиянием польского костюма и польской моды на удмуртскую народную одежду. Д. Островский³⁰ видит в этом покрое влияние греческих и армянских одежд.

Этнографические параллели в костюмах народов Поволжья (удмуртов и чуваш) с костюмами народов Кавказа отмечают также Н. И. Золотницкий³¹ и Н. В. Никольский³², которые связывают название чувашской вышивки «халтурмач», расположенной на рукавах чувашской рубашки ниже плеча, как и на удмуртских старинных рубашках и вышеописанном камзоле, с джагатайским и азербайджанским термином «колтурмадш», что значит рукава с прорезами верхнего кафтана; рукава либо висят не надеванными, либо закидываются за плечи. Длинные рукава очень рано прослеживаются в одежде восточных славян; уже в Радзивилловской летописи XV в. изображается одежда с длинными рукавами. Фальшивые длинные рукава встречаются в наиболее древнем типе русского сарафана, каким является, например, сарафан-шушун из красного сукна, распространенный в быв. Псковской губернии³³.

Эстонский исследователь J. Mäppinen связывает этот тип одежды с модным костюмом Германии XIV в., где были распространены те же длинные рукава с прорезами для кистей и свободно спадающими концами. Аналогичные рукава были известны в свадебном костюме сетукезов (быв. Псковская губ.), в южновеликорусской рубашке на территории быв. Рязанской, Московской и Тверской губерний³⁴.

Аналогии уводят нас далеко от современной эпохи. Верхняя одежда с длинными прорезными рукавами знакома нам по многим изображениям на древнеперсидских и греческих памятниках, на саркофаге Александра, помпейской мозаике и др. Судя по этим изображениям, одежда эта носилась накинутой на оба плеча наподобие плаща. Благодаря прорезным рукавам, одежду эту могли носить и иным способом, продевая в прорезы руки и оставляя широкие рукава ниспадающими за спину или висящими под руками. Бляшка, найденная проф. Н. И. Веселовским в Мелитопольском уезде Таврической губ. в селе Верхний Рогачик в 1914 г., воспроизводит верхнюю женскую одежду скифо-сарматской эпохи, которая имеет совершенно аналогичные одежде удмуртов прорезы на рукавах³⁵. Совпадают даже детали отделки. Под разрезом рукав в плечевой части украшен нашивкой, или вошвой. Воротник, полы и подол этой одежды имеют меховую опушку, рядом с которой идет полоска, напоминающая галуны, плетенки и оторочки на русских старинных одеждах. Прорезы на рукавах одежды явление не случайное, их можно видеть также на бляшках, найденных проф. М. И. Ростовцевым и Н. Е. Макаренко в Мордвиновском кургане быв. Таврической губ. И. Е. Забелин, описывая найденную им в Чертомлыцком кургане однородную

²⁸ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 7.

²⁹ П. Паллас, Указ. соч., стр. 32.

³⁰ Д. Островский, Указ. соч., стр. 24.

³¹ Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь, Казань, 1875, стр. 241.

³² Н. В. Никольский, Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары, 1929, стр. 173.

³³ Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 106.

³⁴ Г. С. Маслова, Материалы по этнографии карел Калининской области, «Советская этнография», 1936, № 2, стр. 95.

³⁵ П. К. Степанов, История русской одежды, П., стр. 27.

бляшку, сравнивает изображенную на ней одежду с русской старинной одеждой XVII в.

Для удмуртов эта форма одежды, повидимому,— очень древняя (разрезы на рукавах встречаются и в белых шоддэремах). Она могла проникнуть на территорию Волго-Камья в очень раннее время.

Материалы ананьинской культуры позволяют установить общение древнего населения ананьинских городищ южной части бассейна реки

Рис. 5. Женская одежда скифо-сарматской эпохи.
Изображение на бляхе из села Верхний Рогачик.
Из книги П. К. Степанова, История русской одежды

Камы со скифским миром. На основании вещественных материалов и свидетельств Геродота исследователь древних культур Прикамья А. В. Збруева делает вывод, что, очевидно, в течение ананьинской эпохи население берегов р. Камы было вовлечено в орбиту широкого обмена со странами далекого юга и востока и что посредниками в торговле Прикамья с греческими городами Причерноморья были скифы³⁶. В пьяноборскую эпоху оживленные связи наблюдались с сарматскими племенами.

Антропологические материалы указывают на присутствие среди южных удмуртов восточно-средиземноморских форм, а языковые данные говорят о существовании древних культурных связей с Причерноморьем. Этнографические материалы подтверждают это положение сохранившейся формой описанной выше одежды, которая вполне отчетливо удержалась в южной части Причерноморья, где население было сильнее вовлечено в орбиту скифо-сарматского мира и где эта форма бытует одновременно с высоким головным убором и орнаментальным мотивом «конских головок», описание которых дано будет ниже.

³⁶ А. В. Збруева, Алавыинская культура (рукопись).

III

Женские головные уборы удмуртов разнообразны по своему внешнему виду и форме. Ношение того или другого головного убора связано у удмуртов с определенной прической, возрастом, социальным положением женщины и приурочено к семейным торжествам и религиозным праздникам. По форме и внешнему виду головные уборы удмуртов могут быть

Рис. 6. Удмурты в национальной одежде (с. Карлыган Марийской АССР). Снимок 1925 г.

сведены к нескольким группам: 1) покрывала, платки, полотенца; 2) повязки, налобники, венки; 3) мягкие шапки, чепцы; 4) высокие твердые уборы конусообразной и лопатообразной формы.

Самым распространенным головным убором девушек и замужних женщин всех возрастов является платок. Платки употребляют самые различные: холщевые, ситцевые, шелковые, шерстяные. Сложив платок углом, покрывают им голову, завязывая концы под подбородком или на затылке. В других случаях платок не свертывают и, покрыв им голову, оставляют полотнище свободно свисать по спине, скрепляя под подбородком два конца.

Более архаичной формой удмуртского платка можно считать самодельную косынку из холста «куинь серго» треугольной формы, обшитую кумачом, кусочками сукна и ситца, украшенную вышивкой и позументом. Косынку покрывали поверх мягкой шапочки «подурги», а с исчезновением последней стали носить непосредственно на голове. Косынка куинь серго была распространена почти повсеместно на территории Удмуртской АССР еще до начала XX в.

В южных районах Удмуртской АССР и среди удмуртов, проживающих на территории Марийской и Башкирской АССР, бытовало покрывало «солык» из тяжелой парчевой ткани, на подкладке, отороченное бахромой. Солык употреблялся в качестве покрывала на «айшон» (высокий головной убор) и падал тяжелыми складками на спину женщины. Когда айшон исчез из быта, солык стал употребляться без него в каче-

стве свадебного покрывала и сохранялся еще во многих южных районах Удмуртской АССР до 20-х гг. XX в. Термин «солык» (сюлык) — видоизмененный термин «яулык» казанских татар, относящийся к платку, одеваемому непосредственно на голову в развернутом виде, в отличие от шали, покрываемой поверх головного убора или нижнего платка. Употребление же солыка в качестве покрывала на айшон сближает его с вышитыми казахскими покрывалами, которые носили с высоким головным убором «саукеле».

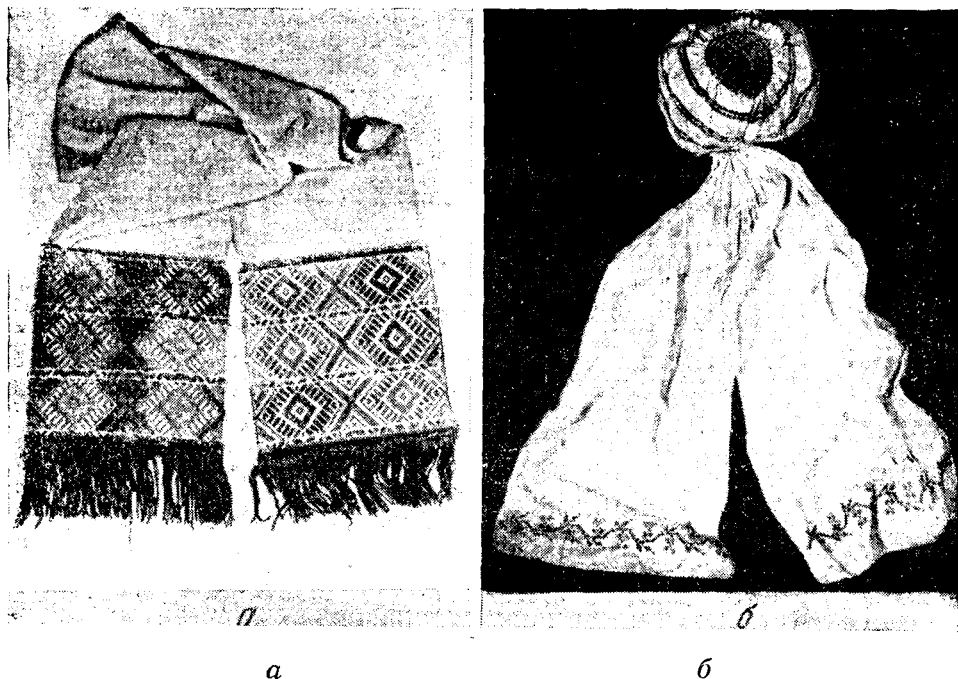

Рис. 7. Головные уборы замужних удмурток (Мало-Пургинский район Удмуртской АССР, дер. Н. Юри): а—„чалма“; б—„пелькшет“

К группе покрывал следует отнести также «чалму» — льняное или хлопчатобумажное полотенце шириной 34—38 см и длиной до 150—160 см с затканными концами. Чалму носили молодые замужние женщины до наступления старости. Полотнище повязывали вокруг головы и спускали концы его на спину. Чалма бытует до последнего времени в южных и центральных районах Удмуртской АССР. В восточной ее половине, как, например, в Шарканском районе, встречается разновидность этого же головного убора в повязке «йыр котыр» (вокруг головы), представляющей собой более узкое и короткое полотенце или шелковую косынку, повязанную вокруг головы поверх головного платка.

К группе покрывал-полотенец следует отнести также «пелькшет» (ушной платок). Он состоит из двух частей: круглой холщевой шапочки и пришитых к ней концов из белого миткаля или ситца. Пелькшет встречается в южных районах Удмуртской АССР и заменяет женщине чалму с наступлением пожилого возраста (т. е. прекращения периода деторождения). Район распространения пелькшета совпадает с районом распространения чалмы, т. е. это южные и центральные районы Удмуртской АССР. В районах, граничащих с Татарской АССР, данный головной убор получил название «бигер-кшет» (татарский платок).

Головные уборы в форме полотенца известны финским, тюркским и славянским народам. Замужние женщины-мокшанки в Беднодемьянском

районе Пензенской области носят на голове убор, состоящий из «лосника» — мягкого чепца со вставленной в него дощечкой, «затилка» (позатыльника) и «пряруца» — полотенца с затканными разноцветной шерстью концами³⁷. В качестве головного убора замужних женщин у луговых и горных мари употребляется «шарпан» — полоса холста шириной 25—30 см и длиной 150 см, по внешнему виду напоминающая полотенце с вышитыми концами. У луговых мари шарпан при ношении закрывает часть головы, и проходя под подбородком, спускается вышитыми концами на спину. У горных мари шарпан повязывается вокруг шеи, прикрепляясь особыми булавками к «нашмаку» — женской головной повязке. Чувашские девушки иногда обертывали шапочку «тухью» белым полотном, вышитые концы которого выпускали по обе стороны. Этот головной убор назывался «чалма»³⁸. Казанским татарам также было известно головное полотенце «тастар», почти аналогичное с чувашским «сурбаном». Исчезнув у казанцев в начале XX в., он значительно дольше сохраняется у кряшен и мишарей. Аналогичный головной убор в виде полотенца известен у башкир³⁹. Тастар, по мнению исследователя татарской культуры Н. И. Воробьева, являлся распространенным среди широких масс сельского татарского населения древним убором персидского происхождения, проникшим, по его мнению, к туркам через иранцев Туркестана. На персидское происхождение термина «тастар» указывает также Н. И. Золотницкий⁴⁰.

Полотенце являлось древнейшим убором славянских женщин и было известно у славян под различными названиями: у украинцев «намитка», у белоруссов «наметка», у поляков — «наमितка» и т. д. Русские называли головное полотенце «ширинкой», «фатой». Способ ношения был различен, но почти у всех народов намитка являлась исключительно убором замужних женщин и у некоторых народов справлялась один раз в жизни, донашивалась до старости и надевалась на умершую при погребении⁴¹.

Взгляды на происхождение полотенчатых головных уборов различны. Д. К. Зеленин, считая намитку древнейшим общеславянским убором, склонен толковать происхождение термина «сарпанка» из персидского. Однако, на основании своих последних исследований в области культурных связей между древнейшими финскими и русскими костюмами, Д. К. Зеленин приходит к выводу, что в действительности тут дело не в русско-финских отношениях, понимаемых узко, а в древнейших модах, которые шли с запада на восток и распространялись независимо от этнических и государственных границ⁴². Мах Вич склонен считать полотенце исконным финским убором⁴³. Приведенные мнения говорят о том, что вопрос о происхождении полотенчатых головных уборов очень сложен. Вероятнее всего, в их распространении можно видеть древнюю культурную волну, которая захватила финские и славянские народы в одно общее течение и шла с юго-востока, из степных районов. Ношение вышеописанных головных уборов было связано с обычаем закрывания лица, распространенным у многих тюркоязычных народов, принявших ислам.

³⁷ Н. И. Спрыгина, Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьянского уездов Пензенской губ., Пенза, 1929, стр. 30.

³⁸ Н. И. Золотницкий, Указ. соч., стр. 238.

³⁹ С. И. Руденко, Башкиры, Л., 1925, стр. 159.

⁴⁰ Н. И. Золотницкий, Указ. соч., стр. 238.

⁴¹ Н. Я. Никофоровский, Очерки простонародного житея бытия в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности, Витебск, 1895, стр. 121.

⁴² Д. К. Зеленин, Тезисы доклада «Общие элементы в древних финских и русских костюмах», прочитанного на научной конференции по вопросам финно-угорской филологии, Л., 1947.

⁴³ Мах Вич, Die Wotjaken, Helsingfors, 1882, стр. 15.

Вторую группу составляют разнообразные повязки, имеющие столь широкое распространение у восточных славян, финнов Поволжья, тюркоязычных народов — татар и башкир. Они представляют собой вышитые полосы холста, обшитые позументом, монетами и блестками. К этой группе головных уборов удмуртов принадлежит повязка «йыр кертэт», которую носили замужние женщины-удмуртки на лбу под головным убором — чалмой, айшоном и под платком. В южных районах Удмуртской АССР (быв. Елабужский и Сарапульский уезды) девушки по праздникам надевали налобную повязку «уко-тук», сделанную из полос позумента с густой бахромой из бити. Повязки, очень близкие к уко-тук, распространены у северо-западных башкир под названием «уко-саяк»⁴⁴. Налобные повязки, отличающиеся друг от друга лишь в деталях, известны мордве, мари (нашмак), чувашам (насмак), башкирам (хараус) и русским. Назначение этих уборов — украсить переднюю половину головы, лоб и край головного убора (откуда и происходит название передник, налобник), а также скрыть волосы на висках и на лбу у замужней женщины.

К этой же группе головных уборов относится большинство девичьих уборов в форме обруча из луба, проволоки, картона, обтянутого холстом, перевязи из лент, наконец венки из цветов, которые широко бытуют у восточных славян, народов Прибалтики и других народов Восточной Европы. По мнению Д. К. Зеленина, «происхождение девичьей повязки восходит к простой перевязке волос стеблем или веревкой»⁴⁵. Таким образом, повязки могли возникнуть совершенно самостоятельно у различных народов на ранних ступенях их хозяйственного и культурного развития, постепенно видоизменяясь, так как каждый народ с течением времени вносил свои специфические особенности в подбор цветов, способ ношения и детали отделки.

К третьей группе головных уборов, объединяющей различные виды легких шапок, колпаков и чепцов, следует отнести девичью шапочку «так'ю», широко распространенную среди удмуртов в XVIII и XIX вв., но в настоящее время уже исчезнувшую из употребления. Так'я удмуртов представляет собой круглую маленькую шапочку из холста, обшитую кумачом и украшенную монистами или поддельными металлическими бляшками. Круглая шапочка из материи, напоминающая своей формой так'ю, прослеживается на территории Удмуртской АССР очень рано. Реконструкция женского костюма из могильника «Чем-шай» IX—XII вв., находящегося недалеко от г. Глазова, дает нам головной убор круглой формы с опушкой из меха. Так'ю как девичий головной убор отмечают исследователи удмуртского быта XVIII и XIX вв.: Миллер, Паллас, Георги, Верещагин, Первухин, Бехтерев и др.

Круглая шапочка так'я широко известна другим народам на территории Волго-Камья; например, тухья чувашей представляет конусообразную шапочку с остrokонечной шишечкой наверху и с наушниками, которые заканчиваются тесемками. Остов шапочки делался из грубой шерстяной ткани, а в более раннее время из кожи. С наружной стороны тухья чувашей обшивалась оловянными жетонами, серебряными монетами, раковинами-узовками и цветным бисером, по преимуществу зеленым. В начале XX в. тухья у чувашей еще продолжала сохраняться как свадебный головной убор невесты и имела в нескольких экземплярах почти в каждой деревне. Старинным девичьим головным убором башкир также являлась «такия», близкая по своему внешнему виду и форме к тухье чувашей. У казанских татар под термином «тухья» разумеется шапочка, шитая серебром. Девичья шапочка текинской девушки-турк-

⁴⁴ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 157.

⁴⁵ Д. К. Зеленин, Женские головные уборы восточных славян, «Slavia», 1927, № 2—3, стр. 555.

менки близка по форме и украшениям к удмуртской, чувашской, башкирской так'е. Н. И. Золотницкий объясняет термин «так'я» из арабского языка, где так'я обозначает шапочка, а в тюркском языке — шлем⁴⁶. Куполообразные шапки, шлемы были известны монголам. Связь чувашской так'и со шлемообразными головными уборами подтверждается самой формой чувашской тух'и с наушниками из кожи. Шлемообразные головные уборы имеются также у каракалпаков. Вероятнее всего, в отдаленную от нас эпоху так'я использовалась как шлем в военных столк-

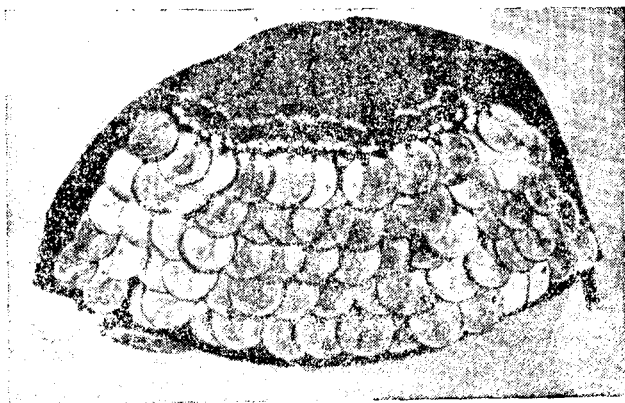

Рис 8. Девичий головной убор «так'я» (б. Глазовский уезд Вятской губ.). Снимок с экспоната Музея народов СССР № 57/284

новениях степняков-кочевников Европы и Азии и позднее проникла к населению, живущему на стыке лесостепной зоны, как богатый праздничный головной убор, распространенный у наиболее зажиточных слоев деревни.

Кроме так'и, которая являлась исключительно девичьим головным убором, замужним женщинам также была знакома круглая шапочка «подурга», сшитая из холста с отделкой из позумента и разноцветных полос ситца. Подургу как головной убор замужних женщин отмечали Гр. Верещагин и И. Н. Смирнов в конце прошлого столетия для населения Сосновского края. В этих же районах (Шарканский и Сосновский районы Удмуртской АССР) подурга продолжала бытовать еще в 30-х гг. XX в. Носят ее замужние женщины непосредственно поверх волос, покрывая сверху платком. В Селтинском районе подургу заменяет мягкий чепчик «йыршет». Подурга и йыршет напоминают «повойник» русского населения.

К группе высоких твердых головных уборов относится «айшон». Его бытование прослеживается на протяжении XVIII и XIX вв. у удмуртов Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губ., а также, в несколько видоизмененной форме, среди удмуртов, живущих в Казанской и Уфимской губ. Исследователи удмуртского быта второй половины XIX в. сообщают о быстром исчезновении айшона в ряде районов. В 1930 г. мне не удалось найти ни одного полного айшона, за исключением одного берестяного остова, обнаруженного в д. Н. Юри Мало-Пургинского района Удмуртской АССР. По мнению В. Бехтерева⁴⁷,

⁴⁶ Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь, приложение 14, стр. 238.

⁴⁷ В. Бехтерев, Вотяки, их история и современное состояние, «Вестник Европы», 1880, № 8, стр. 640.

айшон напоминает формой русский кокошник. В основе айшона лежит берестяной цилиндр, обтянутый сукном или ситцем. Спереди айшон украшается серебряными монетами, нанизанными наподобие чешуи, покрывающей весь лоб. Над чешуей приделаны к основанию айшона деревянные дужки, обтянутые также сукном или ситцем, вследствие чего высота айшона достигает иногда трех четвертей аршина. С дужек свисают разноцветные ленты и кисти. Все это еще покрывается большим, вышитым шерстями, холщевым платком так, что середина одного края при-

Рис. 9. Замужняя женщина-удмуртка в „айшон“
(б. Сарапульский уезд, Вятской губ., вторая половина XIX в.)

кладывается к темени, а середина другого края спускается на спину до пояса в форме покрывала. Айшон является принадлежностью молодой женщины и одевается впервые на свадьбе. Надевание айшона сопровождалось многочисленными обрядами⁴⁸. Айшон подчеркивал возрастное и социальное положение женщины. У удмуртов быв. Казанской губ., по сообщению Д. Островского, молодушка после года замужества меняла белый айшон с черными полосками на красный, а через 8—10 лет, с наступлением старости, совершенно переставала его носить⁴⁹.

Высокий головной убор в форме усеченного конуса или лопатообразной формы с падающим на спину покрывалом, вышитый или украшенный монетами, встречается у многих народов Восточной Европы и Средней Азии. Старинный женский головной убор луговых мари «шурка» по своей форме и внешнему виду очень близок к айшону; то же можно сказать о высоком головном уборе «панга» лопатообразной формы, встречаемом у мордвы-эрзи.

⁴⁸ М. Ильин, Свадебные обычаи и обряды у вотяков. Научное об-во по изучению Вотского края. Труды, вып. 2, 1926, стр. 54.

⁴⁹ Д. Островский, Указ. соч., стр. 25.

Аналогичные уборы были известны и у тюркских народов. Правда, среди национальных головных уборов казанских татар конца XIX и в XX в. мы не встречаем близких аналогий с удмуртским айшоном, но в литературных источниках встречаются указания на то, что казанские татарки также носили высокие пирамидальные шапки, сплошь унизанные монетами. О высоком уголовном уборе татар, сделанном из ивы и древесной коры, сообщал Плано Карпини⁵⁰. В китайских источниках также имеются описания высоких головных уборов, украшенных парчей и золотом, высотой около трех футов. Такие головные уборы носили

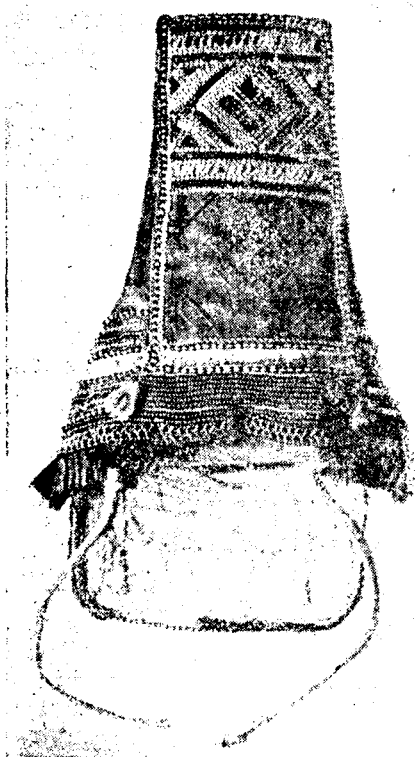

Рис. 10. Головной убор «панга».
Мордва-эрзя.

Снимок с экспоната музея народов
СССР № 59/120

Рис. 11. Головной убор казахской женщины
«саукеле».

Снимок с экспоната Музея народов СССР
КП 24957

жены старейших монголо-татар⁵¹. Высокий головной убор «саукеле» с хвостом, спадающим на спину, украшенный цветными камнями, монетами и бусами, встречается и у казахов. Наконец, отдельные виды русского кокошника могут быть сближены с айшоном удмуртов как по форме, так и по назначению. Головной убор, близкий по форме к айшону, можно отметить у некоторых групп болгарского населения. В округе Карнобат женщины носили головной убор в форме высокой шапки, сильно наклоненной вперед и покрытой платком⁵². В археологических ма-

⁵⁰ Плано Карпини. Любопытное путешествие к татарам в 1246 году, Изд. Языкова, СПб., 1825, стр. 75.

⁵¹ В. П. Васильев, История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. с приложением перевода китайских известий о киданях, джуржатах и монголо-татарах, Труды Восточного отделения, ч. IV, СПб., 1859, стр. 233.

⁵² Chr. Vakarelsky, Note sur l'ethnographie des Bulgares, Sofia, 1936.

териалах причерноморских степей, относящихся к скифо-сарматской эпохе, мы встречаем женские изображения в головных уборах, очень сильно напоминающих по своей форме айшон.

Таким образом, на основании приведенных выше аналогий мы предполагаем, что высокий твердый убор айшон, распространенный у наиболее южных групп удмуртского населения, связан в своем происхождении с древними культурами Причерноморья скифо-сарматской эпохи (а может быть, и еще более ранними), откуда он проник в более северные районы Волго-Камья и далеко на восток, в Среднюю Азию.

Рис. 12. Золотая пластина с головного убора из кургана Карагодеуашх. Из книги П. К. Степанова, История русской одежды

IV

Подведем некоторые итоги. Разнообразные элементы удмуртской народной одежды и различные типы головных уборов могут быть сведены к двум основным комплексам: первый комплекс, который условно для территории современного расселения удмуртов можно назвать «северным», состоял из одежды белого цвета, как то: туникообразной рубашки первого типа, вышитого нагрудника кабачи, передника без груди, затканного красной бумагой, и холщевого халата шӧддэрема; зимой — суконного кафтана сукмана. Головным убором для девушек служила так'я, для замужней женщины холщевый чепец — подурга, который покрывался самодельным платком куинь серго, а сверх платка вокруг головы повязывалось полотенце йыркотыр. На ногах носили: белые холщевые чулки, суконные короткие олучи черного цвета и лапти с шерстяными цветными оборами. В качестве отделки широко применяли вышивку, преимущественно из красного шелка, исполненную набором, косым стежком, а также узорное тканье, браное и многоремизное. Украшения состояли из ожерелий и бус, сделанных из красной мастики и стекла, монет и раковин.

Этот комплекс костюма был распространен в более северных удмуртских поселениях, а именно на территории бывшего Глазовского и Слободского уездов в Базелинском, Поломском, Глазовском, Юкамском и других районах Удмуртской АССР.

Было бы очень заманчиво связать географическое распространение «северного» комплекса с расселением племени вятка. В основном эти районы совпадают, но окончательное утверждение требует еще дополнительной проверки.

«Северный» комплекс удмуртского женского костюма теснейшим образом связан с культурой древнего аборигенного населения. Богатое женское погребение из могильника «Чем-шай», расположенного в бассейне реки Чепцы, относящееся по датировке проф. А. П. Смирнова к IX—XI вв. нашей эры, дало остатки костюма и обуви, которые позволяют говорить о длинной белой рубашке с рукавами, собранными у кисти, обшитой по подолу бусами, напоминающей современную рубашку с вышивкой; головном уборе в виде плоской круглой шапочки с меховой

опушкой, похожей на подургу или так'ю, по бокам от которой спускались длинные подвески, сделанные из тонких проволоочных спиралей, заканчивающиеся тремя бусами и шумящими привесками⁵³. Почти аналогичные привески имелись у удмуртов еще в конце прошлого столетия. Вот как описывает их В. Бехтерев: «В уши продевают из железной проволоки кольца наподобие серег, от которых спускаются до пояса нитки, нанизанные нередко крупными монетами, старинными рублевками и полтинниками, числом иногда больше двадцати»⁵⁴. Обувь состояла из одного куска сыромятной кожи, стянутой у щиколотки тонким ремнем с украшениями на носках в виде шумящих полусферических привесок. В настоящее время у удмуртов преобладает лыковая обувь, но своеобразные украшения из жести на носках лаптя не напоминают ли шумящих привесок древнего времени? Наконец, примитивная обувь из одного куска кожи, стянутого у щиколотки, была известна в недавнем прошлом на соседней территории: у мордвы, эстов, коми-зырян и др.

Современный «северный» комплекс женской удмуртской одежды, кроме того, теснейшим образом связан с костюмом соседнего финского населения, в частности, с костюмом луговых мари, которые в своих исторических судьбах так долго и близко соприкасались с удмуртами. В костюме их роднят материал и покрой рубашек, расположение и характер вышивки, наличие белой верхней одежды и девичьего головного убора так'и, украшений из раковин и бус, употребление верхней суконной одежды белого и коричневого цвета, столь характерной для населения лесостепных районов Восточной Европы — русских, белоруссов, мордвы и др.

Второй комплекс женского костюма условно можно назвать «южным». Для него характерна рубашка второго типа, сшитая из цветной посконной пестряди, под которую надевается нагрудник «кыкрак», составленный из разноцветных кусков материи, и штаны; фартук с грудью из пестряди, затканый цветной шерстью. В качестве верхней летней одежды — зыбын и камзол, сшитые в талию, из цветной шерстяной ткани. зимой суконный кафтан дукес и шуба пась. Головные уборы сохраняют возрастные отличия. Девушки, как и в первом комплексе, носили шапочку так'ю и различные головные повязки. Головной убор замужней женщины был значительно сложнее и состоял из нескольких отдельных элементов: налобной повязки йыркертэт, полотенца — чалмы, высокого убора из бересты — айшона, со спадающим на спину покрывалом — солыком. Пожилая женщина вместо чалмы и айшона в этих районах носила пелькшет — холщевую шапочку с двумя длинными концами, которую покрывала платком. На ногах — пестрые шерстяные чулки, обернутые короткими белыми онучами, и лапти удмуртского плетения.

Для «южного» комплекса характерны металлические украшения, изготовленные литьем и гравировкой или ажурной сканой техникой, ожерелья из монет, браслеты и кольца, наконсники и гребни, украшенные парами конских головок, смотрящих в разные стороны. Для украшений широко использовались драгоценные камни и в качестве подделки — цветное стекло. В расцветке костюма преобладает яркая полихромность. Вышивка как отделка костюма встречается очень редко и исполняется почти исключительно тамбурным швом; преобладает яркая тканая отделка из разноцветной шерсти. Наряду с браной техникой тканья, распространенна закладная палассная, встречаемая у казанских и крымских татар и характерная для тюркских народов и степей Юга.

Этот комплекс костюма был отмечен в Сарапульском, Елабужском и частично Малмыжском уезде быв. Вятской губ., а по современному

⁵³ Материал и описание взяты из работы А. П. Смирнова, Культура удмуртов с V по X век (рукопись).

⁵⁴ В. Бехтерев, Указ. соч., стр. 640.

административному делению в Алнашском, М.-Пургинском, Граховском, Пычасском и других южных районах Удмуртской АССР, а также среди удмуртов района с. Карлыган Марийской АССР. Если географическое распространение первого комплекса мы в основном связываем с территорией расселения племени вятка, то распространение второго комплекса можно связать с расселением племени калмез.

Этот второй комплекс одежды принадлежит населению, живущему на стыке лесной и степной зон. Он сложился, как и первый комплекс, на базе местных древних охотничьих лесных культур, связанных со срубно-хвалынской культурой среднего и нижнего Поволжья⁵⁵ и находившихся

в период ананьинской эпохи под сильным влиянием скифско-сарматской культуры; в нем сильнее прослеживаются южные степенные элементы и древние культурные связи со скотоводческими и земледельческими культурами Причерноморья и Средней Азии.

Древний южный пласт (скифо-сарматский) прослеживается в типе высокого головного убора, в покрое верхней одежды с длинными фальшивыми рукавами и прорезами в них, в наличии штанов и в орнаментальном мотиве в виде парных конских головок, смотрящих в противоположные стороны. Этот мотив, широко распространенный в древнерусском искусстве и у народов Поволжья и Прикамья, встречается

на предметах быта, украшениях, резбе и в вышивке. У современных удмуртов можно еще встретить в качестве подвесок медные гребешки, украшенные парными конскими головками, и женские вышитые нагрудники с такими же изображениями. В Прикамье орнаментальный мотив двойных коньков с головами, обращенными в противоположные стороны, получает широкое распространение в ананьинскую эпоху и позднее, в первом и втором тысячелетиях нашей эры; он являлся распространенным мотивом в удмуртских украшениях IX—XI вв.⁵⁶ и генетически был связан с скифо-сарматской культурой нижнего Поволжья. В раскопках П. Рау, произведенных в 1927 г., среди вещей погребального инвентаря женских могил сарматского населения нижнего Поволжья встречается совершенно аналогичный орнаментальный мотив конских головок на костяных наконечниках гребня⁵⁷.

Локализовать этот древний пласт южной степной культуры очень трудно, он выступает ярче во втором комплексе, но отдельные элементы его прослеживаются далеко на север. Так, например, в более северных районах Удмуртской АССР в конструкции временных жилищ на сенокосах ощущаются реликты степных юрт, мотив конских головок имеет широкое распространение в вышивках северных удмуртов и т. д.

Мощная волна турецких племен, проникших в прикаспийские степи, и расцвет Хазарского каганата в период VI—IX вв. н. э. оказали сильное воздействие не только на Болгарское государство, но и на соседнюю территорию Прикамья, которая находилась в свою очередь в сфере болгарского влияния. Болгары вели оживленную торговлю и снабжали соседние народы готовыми изделиями из металла, украшениями, тканя-

⁵⁵ А. В. Збруева, К вопросу о происхождении ананьинской культуры, «Антропологический журн.», 1936, № 4, стр. 126.

⁵⁶ А. П. Смирнов, Культура удмуртов с V по X век (рукопись).

⁵⁷ И. В. Синицын, К материалам по сарматской культуре на территории нижнего Поволжья, «Советская археология», VIII, стр. 77.

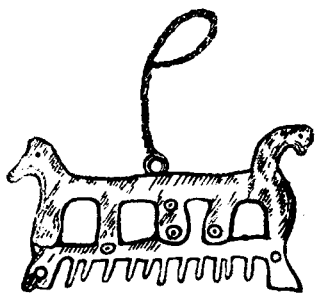

Рис. 13. Медный гребень с изображением конских головок (Мало-Пургинский район Удмуртской АССР, д. Н. Юри)

ми и другими предметами быта. Ряд общих элементов в костюме удмуртов, мари, мордвы и чувашей, как то: полотенчатые головные уборы, шапки, обшитые монетами и бисером, черезплечные украшения из раковин и бус, техника чеканки металла, отделка из разноцветных камней, паласная техника тканья и т. д.,— все эти элементы южного степного происхождения проникли к народам Волго-Камья через болгар из одного поволжского центра и лишь потом были видоизменены в деталях согласно вкусам их носителей.

С падением Болгарского государства судьбы удмуртского народа тесно переплетаются с историей Казанского ханства и с культурой татар Поволжья. Если политическая зависимость удмуртов от последних существовала несколько столетий, то культурное воздействие продолжалось значительно дольше и ощущается вплоть до настоящего времени, особенно в пограничных районах, где наблюдается тесное общение с татарским и башкирским населением. Этот более поздний пласт татарской культуры в «южном» комплексе удмуртского костюма очень мощный, он прослеживается в терминологии, в покрое верхней одежды и платья, в расцветке, отделке, способах ношения платка и т. д.

Однако не всегда удается легко раскрыть происхождение отдельных элементов культуры и в частности одежды. Многие элементы удмуртской одежды выпадают из первого и второго комплексов. Они являются или позднейшими видоизменениями национальных форм, или следствием внедрения общеевропейских мод, как то: рубашка на кокетке; шоддэрем из белого холста с цветными рукавами из ситца, юбка из клетчатой ткани и т. д. Многие элементы женской одежды проникли в удмуртскую среду после знакомства с русской культурой, как, например, русская дубленая шуба, поддевка, крытая сукном борчатка и т. д., и завоевали в удмуртском быту прочное место.

Анализ приведенного материала убеждает нас в том, что современный женский костюм сложился среди местного аборигенного населения на базе древних культур Прикамья, находящихся в свою очередь под сильным воздействием южных культур Причерноморья и Средней Азии. С другой стороны, удмуртский костюм не стоит изолированно от костюма других народов, формирование которых происходило на соседней территории и в состав которых вошли те же культурные компоненты, что и в состав удмуртского народа. Наличие достаточно однородной культуры в прошлом, а с образованием этнических групп продолжавшаяся языковая и культурная близость между такими народами, как удмурты, мари, коми-пермяки и коми-зыряне, содействовали сохранению общих элементов в костюме этих народов вплоть до настоящего времени. Наряду с местными элементами лесо-земледельческой культуры в костюме удмуртов сильна южная струя, идущая от степных кочевых культур Средней Азии и нижнего Поволжья, не прекратившаяся до самого последнего времени.

Огромное влияние на развитие и «жизнь» удмуртского костюма оказали еще два фактора: близкое знакомство с бытом русского населения и столкновение с русской городской культурой. Все эти причины содействовали изменению форм, вносили новые черты и сделали костюм таким, каким он является в наши дни.